

А. Т. Болотов

**Жизнь и приключения Андрея Болотова.
Описанные самим им для своих потомков.
Том 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

A11 **А. Т. Болотов**
Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков. Том 1 / А. Т. Болотов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 560 с.

ISBN 978-5-4241-1893-7

Автор этой книги Андрей Болотов - русский писатель и ученый-энциклопедист, один из основателей русской агрономической науки.

Автобиографические записки его содержат материалы о русской армии, быте дворян и помещичьем хозяйстве. Он был очевидцем дворцового переворота 1792 года, когда к власти пришла Екатерина II. Автор подробно рассказывает о крестьянской войне 1773 - 1775 годов, описывает казнь Е. И. Пугачева. Книга содержит значительный исторический материал.

ISBN 978-5-4241-1893-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© А. Т. Болотов, 2024

С. М. Ронский. "Болотов и его время"

К концу XVIII века крепостное право в России достигло своего апогея, приняло законченные формы, которые нельзя иначе определить, как диктатуру поместного класса над трудом и личностью крепостных. Екатерина II, либеральничиавшая ученица Монтескье, забыв о высказанных ею ранее воззрениях, благодушно соглашалась со всеми ультракрепостническими взглядами, выражаемыми дворянами в комиссии для составления нового уложения 1767 г. Дворянам возражали представители других сословий — купцы, промышленники, духовенство и домовитые казаки, но не в смысле ненормальности самого крепостного порядка, а в смысле желательности получения и для этих социальных групп прав крепостников-помещиков.

Преимущества дворянского класса в крепостническом государстве манили к себе и другие сословия. Организации фабрик дворянами в своих поместьях и интенсификации сельского хозяйства способствовали, с одной стороны, поддерживаемое правительством вытеснение фабрикантов "недворянского состояния", т. е. купечества, которому указом 1762 г. фактически было запрещено приобретать под фабрики населенные дворянские имения, с другой стороны — целый поток указов, явно клонившихся в пользу дворян-помещиков и устанавливавших ряд исключительных льгот для дворянского землевладения. Если ко всему этому еще добавить, что именно в то время русские сельскохозяйственные продукты получили крупное значение на европейских рынках, куда им был открыт широкий доступ, то станет понятным пышный расцвет крепостного хозяйства, расцвет, продолжавшийся до конца первой четверти XIX века. Крепостная Россия XVIII века вызвала яркую характеристику иностранца Жана Бенуа Шерера, который в своей книге о русской торговле (1788 г.) пишет следующие строки: "Там нет ни буржуазии, ни купечества в собственном смысле слова, исключая духовенство и военное сословие, — всюду мужик, в сущности говоря, раб".¹

Записки Андрея Тимофеевича Болотова, в настоящее время переиздаваемые, дают исключительно яркие картины, рисующие поместное хозяйство и быт эпохи.

Происходя из старинной, но обедневшей семьи (род Болотовых восходит к XVI веку), Андрей Тимофеевич родился 7 октября 1738 г. в принадлежавшем издавна его семье сельце Дворянинове Алексинского уезда Тульской губернии, где он, "окончив делать карьеру", и писал свои «Записки». По семейным, обычным для того времени, традициям Андрей Тимофеевич был зачислен шестнадцати лет от роду в армейский полк, которым командовал его отец. Не имея возможности по возрасту фактически исполнять военные обязанности, Болотов прервал службу для получения образования. Часть «Записок», рассказывающая об этом периоде его жизни, как в фокусе, отображает методы и характер воспитания и образования молодого дворянства, проходившего целиком под знаком увлечения всем иностранным. В небогатых дворянских семьях образование находилось в руках лиц духовного звания: священников, дьячков, пономарей и т. д. Ученье было весьма несложно — учили, главным образом, читать церковные книги (знакомство со светским чтением было исключением), писать учили редко, а цифрам еще реже. Ученье начиналось с азбуки, на изучение которой со всеми ее

хитростями, с повторением старого — "с задами", как говоривали тогда, — полагалось около года. Редко образование продолжали дальше, — в таких случаях доходили до псалтыря. Воспитание большей части дворянства находилось целиком в руках иностранцев и сводилось, главным образом, к выучке «козировать» (разговаривать, болтать) на французском и реже на немецком языке. Это увлечение иностранцами и иностранным, а в период царствования Елизаветы Петровны в особенности французским, эта тяга к подражанию иностранной моде была так велика, что "севский архиерей Кирилл Флиоренский приказал, чтобы все окружающие его в священнодействии были причесаны с пуклями и под пудрой..."²

Этим принципам воспитания отдал дань и Болотов. Учивший его вначале немец не только мучил его «каверзными» арифметическими задачами, но и «мучительствовал», т. е., попросту, зверски избивал своего питомца. Без удивления повествует Болотов о том, что отец его, случайно узнавший об одном таком избиении, не только не прогнал преподавателя, но в противовес матери одобрительно отнесся к случившемуся и принял сторону обидчика. Таков был дух эпохи. В памяти у всех глубоко была догма воспитания, нашедшая выражение в знаменитых виршах "Лозою дух святый велит дети бити..." Природная любознательность Андрея Тимофеевича и случайное стеченье обстоятельств позволили ему пополнить свое образование, дали ему возможность, хотя и бессистемно, приобрести начатки знаний. Болотов поднялся над общим культурным уровнем своих современников и резко выделялся из окружавшей его среды. Достигнув возраста, в котором необходимо было уже нести хотя и немудреные обязанности воинской службы, Болотов возвратился в полк. За несвоевременность возвращения из своего второго отпуска Болотов, имевший чин сержанта, был обойден при производстве своих сверстников в следующий чин подпоручика. Но, несмотря на это, через короткое время Болотов догнал своих однокашников. Несомненно, что дело здесь не обошлось без вмешательства власти имущих петербуржцев.

Приехав в Петербург ходатайствовать о своем производстве в чин подпоручика, Болотов обратился к фавориту графа Шувалова подполковнику Яковлеву. Яковлев оказался знакомым отца Андрея Тимофеевича, и благодаря этому обстоятельству дело приняло для него благоприятный оборот. Позднее в своих «Записках» Болотов по своему обыкновению точно и ярко показал обстановку жизни этого фаворита "из небольших". Перед подполковником Яковлевым только по одному тому, что он был любимцем Шувалова, тянулись во фронт и подобострастно сгибались в поклонах генералы и чиновники. Такова была особенность режима. Традиции Меншикова, Бирона, а потом Потемкина и Аракчеева были усвоены и копировались имевшими ту или иную власть маленькими начальниками; они находили себе фаворитов, и порядки их домов соответствовали в миниатюре порядкам дворца.

Описание у Болотова утреннего приема подполковника Яковlevа, перед дверью спальни которого часами простоявали просители от мелкой сошки до генералитета, дает возможность провести аналогию с большими выходами особ царствующего дома и их фаворитов.

Возвратившись из своей поездки в Петербург офицером, Болотов, вместе со своим Архангелогородским полком, участвовал в прусском походе во время

Семилетней войны.³

Выделяясь из числа своих сослуживцев знанием немецкого языка и работоспособностью, Болотов был переведен из строя в канцелярию. С 1758 по 1761 г. он служил в канцелярии русского военного губернатора в оккупированной тогда Восточной Пруссии. Исполняя, главным образом, обязанности переводчика, Болотов не участвовал в обычной разгульной жизни офицерства, а отдавал все свое свободное время занятиям. Большое впечатление произвел на него весь уклад немецкой жизни, своими бытовыми особенностями резко отличавшийся от того, что он привык видеть. В своих научных занятиях он, наряду с занятиями естествознанием и натурфилософией, отдает дань и рисованию, к которому у него всегда были наклонности. Познакомившись с камерой-обскурой и в скором времени получив ее в собственность, Болотов еще более усиленно занялся рисованием.

Способности его к рисованию, которым Андрей Тимофеевич занимался с детства, были замечены его начальством, и Болотову было поручено составление рисунка монет, выпускавшихся русским правительством для занятых немецких областей. Вычеканенные в 1759 г. по рисункам Болотова образцы монет были отправлены в Петербург в подарок императрице Елизавете.⁴

В 1762 г. Андрей Тимофеевич оставил военную службу и был переведен в Петербург адъютантом к тогдашнему генерал-полицеймейстеру барону Корфу. Прослужив недолго в этой должности, Болотов вышел в отставку в чине капитана. Официальной причиной для отставки Болотова послужил указ "О распуске штатов прикомандированных к нестроевым генералам", по которому Болотову пришлось бы возвращаться на военную строевую службу. Действительной же причиной ухода Болотова со службы, несомненно, был знаменитый указ Петра III "О вольности дворянства", который дал возможность всем, не желающим оставаться на государственной службе, "искать занятий по своему усмотрению".

Исполняя свое заветное желание — посвятить себя работе в области сельского хозяйства, Болотов по выходе в отставку уехал в свое имение. На редкость образованный по своему времени сельский хозяин, ученик знаменитого тогда в Германии естествоиспытателя и философа Крезиуса, Болотов поставил свое хозяйство на новых началах, новых в смысле обработки земли в соответствии с тогдашними научными достижениями. Одним из первых он начал проводить в нем интенсивное землепользование, представляя собой редкое исключение среди своих соседей, которые в области способов ведения своего хозяйства были крайне консервативны и держались традиционных старинных приемов сельскохозяйственной практики.

Вскоре Болотов начинает принимать деятельное участие в работах "Вольного экономического общества", в котором объединились дворяне и ученые, заинтересованные в усилении развития сельскохозяйственного предпринимательства, успешно развивавшегося. Это развитие сельскохозяйственного предпринимательства в крепостном хозяйстве санкционировалось целым рядом законодательных актов: крайне выгодное производство в сельском хозяйстве — винокурение — делается исключительной привилегией дворянства с 1765 года, вместе с тем около этого же времени дворяне получили преимущественное право снабжать войска провиантами и фуражом, что было очень выгодно в смысле наличия у помещиков постоянного сбыта их сельскохозяйственных продуктов. Сбыт по-

следних для помещиков был также вполне обеспечен отменой внутренних таможенных пошлин 1754 г. и провозглашением через несколько лет свободы хлебной торговли, которая постоянно подтверждалась позднейшими указами".⁵

"Вольное экономическое общество" было сосредоточием интересов крупного товарного сельского хозяйства и интересовалось агрономическими достижениями, которые могли бы, по мнению членов общества, с успехом привиться на русской почве и способствовать развитию крупного сельского хозяйства. Печатая свои агрономические работы в трудах "Вольного экономического общества", Болотов не раз получал за них золотые, серебряные медали и другие награды. Составленный им большой труд с описанием разных пород яблок и груш, преимущественно Тульской губернии, не утратил своего значения до конца XIX века.⁶

Издаваемые им сельскохозяйственные журналы "Сельский житель" в 1778 и 1779 гг. и, в особенности, выпускаемый в виде приложений к новиковским "Московским ведомостям" "Экономический магазин" были по своему научному содержанию крайне ценными для того времени и имели очень большое распространение в помещичьей среде, являясь настольной книгой более или менее культурного помещика. Управляя в течение двадцати пяти лет двумя "императорскими волостями" (Киясовской и Бобриковской), Болотов почти безвыездно жил в своем имении Дворянинове, откуда только один раз, в 1803 г., ездил в Петербург, где прожил около одиннадцати месяцев. Умер Андрей Тимофеевич Болотов в глубокой старости 7 октября 1833 г. Потеряв незадолго до своей смерти зрение, Болотов все же продолжал работу над своими сочинениями, диктуя их своим близким.

Печатаемые ниже «Записки» Болотова, названные им "Жизнь и приключения Андрея Болотова...", были начаты им в 1789 г. и велись в течение двадцати семи лет — до 1816 г. Эти «Записки» представляют собой из ряда вон выходящее явление. Главный интерес их заключается в особенно четком и сильном изображении социально-бытовых моментов эпохи крепостничества.

Положение помещичьих крепостных крестьян характеризовалось их полным юридическим и бытовым бесправием. Все они были обложены различными повинностями в пользу помещиков. Главной натуральной повинностью помещичьих крестьян была барщина — работа на господских полях. Со своих же полей крестьяне обязаны были доставлять своим господам различные припасы и продукты своего домашнего хозяйства: свиней, баранов, поросят, грибы, ягоды и т. д. Произвол помещичьей власти приводил к тому, что натуральные и денежные повинности крестьян были так велики, что крестьяне, не будучи в состоянии их выплатить, всегда находились в долгу у помещика. Целый ряд телесных наказаний был в руках помещиков средством выколачивать оброки. Телесные наказания и ссылка были теми орудиями, при помощи которых, как заметил один из иностранцев, посетивший Россию в конце XVIII века, помещики на "...деле получают возможность казнить крестьян смертью".⁷

Путешествовавший в 1722 г. по Сибири академик Паллас нашел только в одной Тобольской губернии около двадцати тысяч крестьян, сосланных туда на поселение помещиками.

Несмотря на свою редкую по сравнению со средой культурность, Болотов тем не менее представляет собой законченный тип жестокого помещика-крепостни-

ка.

В «Записках» повсюду разбросаны эпизоды его расправы с крепостными, расправы, плохо прикрываемые либеральными сожалениями и душеспасительными богообязненными вздохами.

Гуманный на словах, Андрей Тимофеевич то и дело приказывает пускать в ход розги, усердно полосует батогами спины строптивых или же чем-либо не угодивших «подлых» людей, прибегает даже к чисто средневековым изощренным пыткам. Он не только хвастается своей выдумкой — пыткой жаждой, но прибегает к "порке порциями" с содержанием провинившегося в промежутках на цепи (см. прим. после текста № 10 во втором томе). В свете этих жесточайших расправ плотно надетая на Болотова маска поверхностного либерализма сползает, и пред нами появляется зоологическая рожа дикого зверя, дающая яркое представление о невыносимом режиме эпохи, цепко державшей в своих лапах даже такого передового человека, как Болотов.

Невольно вспоминается богатый и тоже сравнительно культурный пензенский помещик Н. Е. Струйский, бывший некоторое время владимирским губернатором и известный в свое время как литератор-поэт и владелец одной из лучших типографий того времени. Тот любил сам судить своих крестьян и притом по всем правилам европейской юриспруденции: сам читал обвинительные акты и произносил защитительные речи. Но эти барские юридические затеи сопровождались далеко не гуманным отношением к крестьянам. В подвалах дома Струйского имелся целый набор необходимых орудий, при помощи которых он пытал своих подсудимых.⁸

Как мы уже говорили выше, большой интерес представляют собой встречающиеся у Болотова описания бытовых подробностей помещичьей и крестьянской жизни.

В первой половине XVIII века домашний быт провинциального дворянства отличается в отношении жилищ от крестьянского лишь большими размерами домов и относительной чистотой. По описанию Болотова, дом его в указанное время состоит из "одной большой комнаты (угловой), маленькой рядом, с несколькими сенями, кладовыми и черной горничкой, при обстановке, состоящей из двух простых дубовых столов, лавок и скамей, нескольких старинных стульев, шкафчика и кровати. К концу века, в связи с увеличением дворянского благосостояния и знакомством с иностранными образцами, обиход резко меняется. Уже к семидесятым годам мы видим в Дворянинове новый дом, о котором Болотов пишет: "...несмотря на его новизну, были в нем все нужные в дворянских деревенских домах комнаты: были в нем лакейская, зала, гостиная, спальня, уборная, столовая и детская комната и особый покоец для моей тещи, а сверх того, выгадал я местечко для буфета, гардеробца и довольно просторной кладовой, а также двух сеней..."

Не менее хорошо иллюстрируются в «Записках» и те стороны быта поместного дворянства, которые были неразрывно связаны с гостиной: постоянные наезды гостей друг к другу целыми семействами не меньше чем дня на два, псовые охоты, танцы и т. д. Характерно описание одного праздничного дня у псковских дворян: "Между тем как мы сим образом упражнялись в танцах, боярыни занимались карточной игрой..., что ж касается до господ, то сии упражнялись, держа в руках то и дело подносимые рюмки, а как подгуляли, то захоте-

ли и они танцами повеселились... К музыке присовокуплены были и девки со своими песнями; а на смену им, наконец, созванные умеющие песни петь лакеи, и так попеременно то те, то другие утешали подгулявших господ до самого ужина... Гости все ночевали и на другой день обедали и не прежде разъехались, как уже перед вечером..."

Таким образом, мы видим, что нет ни одной стороны жизни того времени, которая не нашла бы себе правдивого и красочного изображения в «Записках» Андрея Тимофеевича Болотова. Недаром почти во всех работах и исследованиях о XVIII веке и начале XIX широко использованы «Записки» Болотова.⁹

"Записки" Болотова, написанные им вчерне в двадцати девяти томиках, были неоднократно переписываемы набело и украшены рядом виньеток и рисунков, исполненных сыном Болотова Павлом. Черновики несколько отличаются от редактированного, набело переписанного материала: новая обработка первых писем произведена с большей литературностью, отсутствуют специальные заглавия, в последней редакции появляется совершенно неизвестный рассказ о событиях 1752–1758 гг.

Отдельным изданием «Записки» А. Т. Болотова вышли в свет, после публикации целого ряда выдержек, в 1871–1873 гг. в издании "Русской старины" и с той поры ни разу не переиздавались. Биография Болотова отдельно помещена только в "Земледельческом журнале" за 1838 г., книга восьмая.

Нет никакого сомнения, что вновь издаваемые сейчас «Записки» А. Т. Болотова найдут своего читателя — это гарантируется их литературно-бытовым интересом.

1931 г.

C. M. Ронский.

А. Г. Бодуонов

Стихи

Издательство
«Либретто»

Санкт-Петербург
Книжный магазин

ОТ РЕДАКЦИИ

"Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков", представляют собою в рукописи труд, состоящий из 29 томиков одинакового формата и почти одинакового объема — по 400 с небольшим страниц в каждом томе.

Редакция, не имея возможности печатать труд Болотова целиком, должна была прибегнуть к большим сокращениям.

Кроме затруднений, вытекающих из размеров труда, печатать "Жизнь и приключения" полностью едва ли было бы целесообразно: автор отводит огромное количество страниц истории войн, уделяет много внимания личным и семейным делам (объяснение этому можно найти в цели написания мемуаров, изложенной в "Предуведомлении"), останавливается на бесконечных мелочах, много раз при этом повторяясь, и т. д.

Стараясь сохранить наиболее характерные в историко- и культурно-бытовом отношении страницы, редакция вынуждена была свести труд Болотова к трем томам.

Текст «Записок» воспроизводится по изданию 1931 года издательства «Academіa» под общей редакцией А. В. Луначарского и с вступительной статьей С. М. Ронского, которое, в свою очередь, печаталось по изданию 1871–1873 гг. — четырехтомному приложению к журналу "Русская старина", подготовленному к печати М. И. Семевским.

Редакция постаралась, насколько это было возможно, сохранить аромат ста-ринного стиля повествования, выправив лишь те отклонения в орфографии и пунктуации, которые выглядят для современного читателя безусловными ошибками. Архаизмы и явно архаичные согласования и особенности пунктуации оставлены нетронутыми, чтобы читатель мог не только прикоснуться к жизни той эпохи, но и проникнуть в строй мышления ее летописца.

Таким образом, читатель найдет в тексте:

наутрие вместо наутро,

имянины вместо именины,

чорт вместо черт,

ярмонка вместо ярмарка,

особливо вместо особенно,

пожалуйте вместо пожалуйста

и многие другие, характерные для той эпохи слова и обороты.

Никаких других изменений в тексте сделано не было.

Напечатанный в 1871–1873 гг. текст подвергся частичной сверке с оригиналом (черновиками) рукописи Болотова. Полной сверки сделать не удалось, так как отдельные части рукописи труда Болотова (и черновики и чистовики) находятся в разных местах и не всегда доступны для работы.

Пропущенные в рукописи, но подсказываемые смыслом слова поставлены в скобках.

Делая сокращения «Записок», редакция старалась не нарушать стройную архитектонику труда Болотова и поэтому сохранила и болотовскую нумерацию писем-глав, и болотовское деление на части.

Примечания, имеющие справочный характер (например, объяснения архаизмов и диалектизмов, дающиеся по "Толковому словарю" Владимира Даля), помещены в виде сносок под текстом страниц; примечания же более пространного характера даются в конце каждого тома. Примечания, сделанные самим Болотовым, отмечены сокращением фамилии автора — "Бол.".

Записки Андрея Тимофеевича Болотова составляют одно из драгоценнейших достояний нашей исторической литературы. Обнимая внутренний быт русского общества за все XVIII столетие, а именно с царствования Петра Великого по 1793 год включительно — они касаются самых разнообразных его сторон. Таким образом, в этом историко-литературном памятнике заключаются живейшие подробности о домашнем и общественном воспитании русских дворян прошлого века, их домашней же и общественной жизни, также о прохождении ими военной и гражданской службы; о жизни наших предков в деревне, в провинциальных городах и в столицах, о состоянии сельского хозяйства, о состоянии в том веке русской литературы, науки и книжной торговли; о военных действиях XVIII века — в особенности об участии России в войне с Фридрихом II и о войнах Екатерины II с турками, поляками и шведами. Вместе с сим записки представляют последовательный рассказ о разных распоряжениях правительств — восьми царствований, с Петра I по царств. Екатерины II включительно; здесь же находится довольно много подробностей о русском дворе эпохи Елизаветы, Петра III и Екатерины II; тут же рассеяно множество драгоценнейших подробностей для биографий государственных, военных и вообще общественных русских деятелей — за время преимущественно с 1740 по 1793 год включительно; наконец почтенный автор этих записок, повествуя о дворянском сословии по преимуществу ни подымаясь иногда в высшие слои его, не забывает и народ. Фигуры русского крестьянина, русского солдата, русского священника выпукло выделяются в полном жизни и правды — рассказе Болотова.

Лучшие стороны этого рассказа составляют необыкновенная искренность автора, любовь к правде и к дорогому отечеству. Болотов есть полный представитель лучших русских людей прошлого столетия. Большие природные дарования он развил упорным изучением наук и литературы как отечественной, так и иностранной, в особенности немецкой. Независимо от этого, это был человек прекраснейших душевных качеств: в записках его как в зеркале — отражается его чистое, прекрасное сердце. Отсюда эта теплота рассказа, эта правдивость, этот добродушнейший юмор.

Обширною начитанностью Болотова объясняется замечательная легкость и живость изложения его рассказа. Местами он до того увлекателен, что невольно забываешь, что это пишет человек, родившийся в царствование Анны Иоанновны и первоначально обучавшийся чуть еще ни у дедушек — знаменитых российских педагогов: «Кутейкина», «Цифиркина» и «Вральмана».

Вот главнейшие Факты жизни Болотова.

Андрей Тимофеевич родился в Тульской губернии 7 октября 1738 г.; десяти лет он зачислен каптенармусом в армейском полку, командуемом его отцом; на двенадцатом году Болотов теряет отца, а два года спустя умирает его мать. Четырнадцатилетний мальчик, по происхождению своему из дворян средней руки и при том весьма недостаточный, — начинает сам прокладывать себе дорогу. В 1755 году Болотов, волею неволею, вступает, в действительную службу сержан-